

Е. А. Богачева¹, А. А. Горшенев², А. А. Маслов³

ИМЕНА ДЖАМУ, РАСПРОСТРАНЕННЫЕ СРЕДИ НАРОДОВ ЗАПАДНОГО СУДАНА, ИХ ЗНАЧЕНИЕ И ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ НИМИ*

¹ Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9

² Центр африканских исследований СПбГУ,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9

³ Газпром Нигерия, Нигерия, Абуджа, тупик Логоне, участок 2, Майтама

В статье прослеживается история развития изучения имен джаму населения Западно-го Судана в истории и антропологии, выявлены актуальные и не освещенные ранее аспекты данной темы. Представлена графическая экспликация базовых отношений «эквивалентности» и «шуточного родства» между основными именами джаму. На основе данных собственных полевых исследований составлен список «формул джаму» — речевых оборотов языка бамана, которые связывают или сопоставляют имена джаму и выражают представления об отношениях между ними. Библиогр. 34 назв. Ил. 1. Табл. 1.

Ключевые слова: джаму, Западная Африка, бамана, шуточное родство.

JAMU NAMES OF WESTERN SUDAN: DENOTATION AND RELATIONS

Е. А. Bogacheva¹, А. А. Gorshenev², А. А. Maslov³

¹ St. Petersburg State University,
7/9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

² Centre of African Studies, St. Petersburg State University,
7/9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

³ Gazprom Nigeria, 2 Logone Close, Maitama, Abuja, Nigeria

The article deals with the jamu names of Western Sudan. It gives a historiographic description of the main approaches and trends in the anthropological and historical researches of the subject. A network of relations of two basic types, equivalence and joking relationship, between more than 100 main jamu names is shown in a form of a graph. Such graph is published for the first time. Further proceeding from the assumption that these two types of relations do not constitute an adequate or complete set of all existing types of relations authors propose a list of “jamu formulae”, that is drawn upon data of a field research, conducted in 2015, and contains figures of speech, used to describe relations between several jamu names. Refs 34. Figs 1. Tables 1.

Keywords: jamu, Mali, West Africa, kinship, bamana, joking relationship, visualization, sociometry.

Настоящее исследование посвящено именам джаму. Имена джаму — это прежде всего паспортные фамилии большинства населения Мали и Гвинеи и значительной части населения Кот д'Ивуара, Сенегала, Буркина Фасо. Таким образом, ареал распространения имен джаму в основном совпадает с исторической областью Западный Судан. Имен джаму сравнительно не много, всего несколько сотен, и каждое из наиболее распространенных (Траоре, Кулибали, Кейта и др.) носят несколько миллионов человек.

* Данная статья была подготовлена в среде «Датаграв», где доступна полная версия текста, включающая не вошедшие в текст печатной публикации фрагменты: <https://datagrav.com/records/37620>.

История имен джаму значительно старше истории их функционирования в качестве паспортных фамилий. Древнейшие из них упоминаются в арабских источниках XIII в. (например, джаму Туре в сочинении Ибн Баттуты «Подарок созерцающим относительно диких городов и чудес путешествий», XIV в.), присутствуют в архаической эпической традиции.

Люди, объединенные одной фамилией-джаму, не представляют собой консолидированных групп или организаций с единым управлением — по крайней мере, в настоящее время. Поэтому между джаму нет союзов или противостояний в реальной жизни. Вместе с тем в языке имена джаму образуют устойчивые пары и более сложные сочетания: некоторые носители одного имени считаются братьями, другие — кузенами и т. п.

Сведения об отношениях между именами джаму, выраженные в устойчивых речевых оборотах, фиксируются исследователями начиная со второй половины XIX в. Тем не менее нигде и никогда не было опубликовано до сих пор полного реестра таких речевых оборотов и, соответственно, реестра отношений между именами джаму.

В нашем исследовании мы рассматриваем развитие представлений о джаму в контексте тех задач, которые ставили и решали исследователи, в контексте развития различных научных школ.

Затем мы обращаем внимание, что, хотя историография джаму и насчитывает уже десятки объемных исследований на нескольких языках, целый ряд важных вопросов остается пока без ответа, а некоторые важные вопросы — даже без четких формулировок.

Далее, мы представляем графическую экспликацию основных отношений между основными именами джаму. Ограничившись списком из ста с небольшим имен и двумя базовыми отношениями — «эквивалентностью» и «шуточным родством», мы обобщаем данные, ранее собранные исследователями, сопоставляем их, уточняем и представляем в виде единого графа связей между именами джаму.

Граф связей между именами джаму, охватывающий в общей сложности имена более 40 млн человек, публикуется впервые.

В заключение мы приводим список «формул джаму» — оборотов языка бамана (понимаемого большинством носителей этих имен), которые связывают или сопоставляют два (или более) имени джаму и выражают представления об отношениях между ними. Список языковых формул основан на данных наших собственных полевых исследований и не имеет аналогов в научной литературе.

На основе представленного списка формул и реестра отношений (графа) джаму мы формулируем ряд требующих проверки и уточнения гипотез относительно особенностей функционирования имен джаму как целостной системы.

Историография

Первые упоминания о джаму и *синанкуя* («шуточном родстве») между ними в Западной Африке встречаются в конце XIX в. в монографиях путешественников, служащих колониальных администраций, представителей католической церкви и других европейцев, проживавших в регионе [1, 2 и др.]. Джаму и *синанкуя* не бы-

ли основным предметом рассмотрения в этих работах, которые носили преимущественно описательный характер и не претендовали на теоретические обобщения и анализ социальных структур.

Первое системное описание феномена джаму в начале XX в. дал французский исследователь Морис Деляфос в своем классическом труде «Верхний Сенегал — Нигер» [3]. Деляфос предположил, что общность джаму может иметь общественно-политическое значение [3, с. 93]. Именно к М. Деляфосу восходит, видимо, и интерпретация джаму как института родства, сведение его, так или иначе, к семейным отношениям или отношениям семей.

М. Деляфос, а вслед за ним и его последователи, фактически отождествили джаму с «*famille globale*» — большесемейной общиной, «большой семьей», противопоставив ее семье близких родственников — «*famille reduite*». С тех пор атрибуция джаму редко выходила за рамки категорий родства. Чаще всего джаму назывались кланами (*clans*), иногда — экзогамными группами. Передающиеся по наследству имена, ставшие паспортными фамилиями, легенды об общих предках, обращение «брат» и тому подобные формальные признаки служили основой для такой атрибуции.

Следующим этапом стало вовлечение материала отношений джаму в изучение кросскультурного явления «шуточного родства» и, соответственно, применение кросскультурных параллелей для интерпретации отношений между джаму. Основной тенденцией этого этапа стало сведение всего многообразия сложных и неоднородных связей между именами джаму к ритуалам взаимного шуточного поношения.

Термин «шуточное родство» («*joking relationship*»), предложенный Лоуи [4] для описания обычаев коренного населения Северной Америки, применительно к Западной Африке впервые был использован в 1928 г. Моссом [5]. Работа Мосса положила начало традиции кросскультурного анализа и объединения термином «шуточное родство» (или «шуточная связь») схожих практик, распространенных в странах Африки, Северной Америки и Меланезии.

Мосс обращает внимание на значимость шуточного родства, обеспечивающего снятие напряжения в отношениях и имеющего потенциал для решения конфликтов и предотвращения их возникновения, для формирования единого коммуникативного пространства и социальной иерархии. Существование правил, определяющих, какие из джаму находятся в отношениях *синанкуя*, а какие нет, Мосс объясняет родственной природой этих отношений и самих групп джаму. Объяснение не было при этом убедительно обосновано.

Среди других важных публикаций о джаму следует отметить работы А. Лябуре [6], Д. Польм [7], А. Обера [8], Р. Пажара [9] — в них содержится ценный фактический материал.

На этот материал опирался А. Рэдклиф-Браун, стремившийся в своих работах выявить общие закономерности функционирования отношений шуточного родства и построить единую теоретическую базу для их анализа [10; 11]. За внешней враждебностью отношений шуточного родства он предположил существование доверительных и дружественных отношений, обратил внимание на противоположность выражения и содержания отношений шуточного родства, благодаря которому и достигается положительный эффект для урегулирования или предотвращения возможных конфликтов.

С критикой выводов Рэдклиф-Брауна в 1948 г. выступил М. Гриоль [12], который утверждал, что рассмотрение *parentes à plaisanteries* (французский аналог термина *joking relationship*, ритуальное поношение) как самостоятельного типа социальных отношений сродни стремлению объединить, например, похороны и свадьбы термином *ceremonies a cloches* («колокольные церемонии»): сходство формы (или даже общая форма) вовсе не означает общую функцию отношений.

Последовавшие возражения Рэдклиф-Брауна не вполне убедительны: он полагает, что Гриоль своим остроумным замечанием отвергает сравнительный метод в антропологии как таковой. Действительно, Гриоль, как представитель иной научной традиции, относился к этому методу скептически, однако в данном случае речь идет о другом: ритуальное поношение между манинка и сонинке, Кулибали и Кейта, догонами и бозо, футбольными командами и кузнецами (бамана и манинка), между кузенами, братом отца и сыном сестры, дедом и внуком — все эти формы отношений сосуществуют в рамках единого культурного пространства, культурного комплекса, кросскультурный же метод предполагает сравнение сходных форм из различных культурных (социальных) комплексов. То есть Рэдклиф-Браун, при всех бесспорных достоинствах его анализа, смешивает два исследовательских приема: параллель между поношением кузенов в различных культурах и параллель между поношением кузенов и поношением, скажем, соседей или представителей иной этнической группы. Предсказуемым результатом такой неразборчивости в материале для сопоставления стала некоторая тривиальность полученных Рэдклиф-Брауном выводов.

Рассмотрение джаму в контексте шуточного родства оставляло не только нерешенным, но и не поставленным вопросом о том, какие структуры образуют связи по джаму и каковы закономерности построения этих структур. Например, если *A* синанку *B*, а *B* — синанку *C*, то будет ли *A* синанку *C*? Вопрос о классификации типов синанку, о братских, эквивалентных и прочих связях также не ставился.

На волне подъема интереса к теме джаму после публикации исследования М. Деляфоса [3] было издано несколько работ французских военных и гражданских служащих [13–17], среди которых значительным объемом представленных данных выделяется словарь джаму, составленный в 1959 г. лейтенантом французского флота Молиньи. Словарь должен был помочь европейцам, работающим во Французской Западной Африке, ориентироваться в системе имен (не только джаму) и взаимоотношений между людьми в этом регионе, дать возможность получать из имени и фамилии собеседника информацию о происхождении, традиционном социальном статусе и т. д.

В работе содержатся сведения о 60 основных джаму Мали, преимущественно бамбара, по следующим аспектам: кастовая принадлежность; «семья», к которой автор относит джаму; первостепенные и второстепенные запреты; эквиваленты; происхождение согласно устной традиции; актуальная (на 1959 г.) территория расселения; другие особенности джаму и легенды, с ним связанные.

При беспрецедентной, особенно для своего времени, полноте собранного материала в исследовании содержится ряд допущений и обобщений, не имеющих под собой достаточной доказательной базы, что заставляет с осторожностью относиться к представленной в словаре информации и в особенности к выводам автора,

который всецело доверял данным устной традиции, полученным в ходе общения с гриотами.

Например, в словаре приведены генеалогии основных «семей» манде, причем под семьями понимаются несколько патронимических групп, имеющих согласно устной традиции общих предков. Утверждается, что большая часть связей существует не между отдельными джаму, а между указанными «семьями».

К сожалению, материал, собранный в вышеуказанных работах, не был использован в других исследованиях, что объясняется, в первую очередь, сложностью доступа к текстам работ, часть которых и сегодня не может быть прочитана. Исследования были предназначены для узкого круга заинтересованных лиц, не были ориентированы на широкую аудиторию и потому не распространялись за пределами организаций, в которых были подготовлены. Кроме того, обращает на себя внимание следующая общая для большинства исследований отношений между джаму тенденция: в стремлении встроить *синанкуя* в систему кросскультурных аналогий, оценить взаимное влияние *синанкуя* и других элементов культуры и социальной организации общества, авторы зачастую рассматривают *синанкуя* как гомогенное явление. Признавая и вскользь упоминая разнообразие форм выражения этих отношений и подозревая наличие за ними различного содержания, они не достаточно внимания уделяют внутренней организации системы отношений между джаму.

В рамках советской школы африканистики направление исследований, связанное с изучением джаму, по понятным причинам идеологической детерминированности и ограниченности адекватной коммуникации и доступа к работам зарубежных исследователей, развивалось обособленно от исследовательской работы иностранных коллег.

Следствием этой обособленности явились и преимущества — независимость, отсутствие влияния преобладавших в науке тенденций и методов. Так, в то время как обычным объектом изучения европейских и американских исследователей были отдельные отношения шуточного родства, круг интересов ленинградской школы африканистики сосредоточился вокруг групп, объединенных общим именем джаму, их происхождения и структуры.

Важнейшее место в историографии джаму занимают работы В. Р. Арсеньева, который имел (благодаря службе в рядах советской армии) уникальную для советского этнографа возможность полевой работы в Мали. Его работы посвящены всему спектру социальных отношений, духовной, материальной культуры бамана. Арсеньев уделял джаму особенное внимание: его вклад в изучение джаму — это создание реестра отношений, который был опубликован лишь частично. Данная работа сравнима по охвату лишь с реестром Молиньи и была только недавно превзойдена по охвату реестром Выдрина. Арсеньев утверждал, что джаму следует воспринимать как общности, а систему отношений между ними — именно как систему. Вне зависимости от степени соответствия данной гипотезы современным данным, ее значение в изучении джаму трудно переоценить.

В 1977 г. в работе «Общности по “клановому имени” (“джаму”) у населения верховьев Сенегала и Нигера» В. Р. Арсеньев выдвинул ряд гипотез относительно происхождения и функций «системы» «общностей по джаму». Арсеньевым также опубликованы список соответствия «клановых имен» и «этнической принадлежности», составленный на основе собственных полевых записей автора в 1971–1974 гг. [18].

В работе А. А. Маслова [19] так называемая клановая структура манден интерпретирована через понятие фиктивного родства; характер клановой структуры объяснен через особенности политической интеграции в регионе; некоторые факты упоминания родственных связей героев в фольклоре интерпретированы через необходимость идеологического закрепления фиктивных межклановых родственных связей. Автор предложил отказаться от постулирования наличия и поиска в прошлом какой-то одной системы общественных отношений, обусловившей возникновение системы джаму и отношений внутри этой системы [19, с. 33]. В последующих работах [20–23] развивается идея об использовании фиктивных генеалогий и фиктивного родства для объяснения сложившихся потестарных и общественных отношений. Система джаму рассматривается как инструмент формирования «транс-территориальной» государственности — «единого политического пространства» и «сетевое единства» в Западном Судане, без выраженных границ, политического центра и внутренней территориальной иерархии (центр/периферия).

В то время как отечественные исследователи работали в направлении изучения истоков формирования и особенностей функционирования системы имен джаму, европейские исследователи продолжали делать акцент в большей степени на функциях отношений между отдельными взятыми абстрактными парами (имен) джаму.

Новый этап развития намеченного Рэдклиф-Брауном и Моссом подхода к рассмотрению отношений между джаму с позиций функционализма наблюдался в 1990-е гг. и был связан с возросшим интересом к идеям неотрадиционализма с одной стороны и изучением регулирования конфликтов — с другой. Отношения эквивалентности и *синанкуя* между джаму, оказавшись на пересечении этих тенденций, стали предметом рассмотрения в работах, посвященных использованию традиционных элементов культуры для управления конфликтами.

В качестве примера можно привести исследование, подготовленное в рамках проекта UNICEF [24]. В работе дан краткий обзор организации взаимоотношений населения Западной Африки, основанной на системе клановых имен и связях между ними; особенное внимание уделяется шуточному родству, отношениям эквивалентности джаму и соответствиям между джаму и этническими группами. Исходя из вышеуказанного предположения о возможности продуктивного использования элементов традиционной организации общества было разработано несколько проектов для включения в программу школьного обучения.

Другим подходом, оказывающим начиная с 1970-х гг. значительное влияние на вектор развития исследований джаму, является историзм. В таких работах, уделяется внимание культурной специфичности явления джаму, которое рассматривается в контексте современных и предполагаемых исторических социальных классов, идентичностей, государственных образований [25–27]. Существующие отношения между джаму (*синанкуя*, эквивалентности) считаются маркером имеющих или имевших место отношений неравенства и подчинения между группами и являются, по мнению авторов, следствием борьбы за контроль над территорией и за власть.

Влияние соотношения социального статуса групп на их взаимоотношения было рассмотрено Р. Лонэ на примере отношений *синанкуя* между гвинейскими рабами *воросо* и *хорон* («свободными, благородными») [28].

Важнейшей частью *синанкуя* являются фразы, обыгрывающие отношения доминирования и подчинения: *i ye ne ka jo n ye* («ты мой раб»), *ne ye i matigi ye* («я

твой хозяин») и т. д. Эти фразы могут употребляться как доминирующим по отношению к подчиненному, так и наоборот. Во втором случае наблюдается инверсия отношений подчинения — прием, комический и снимающий напряжение эффект которого хорошо известен и может быть использован в любой группе, в которой присутствует элементарная иерархия.

Лонэ высказал идею о том, что практика синанкуя является не «эпифеноменом» — видимой оболочкой или следствием других установившихся отношений, а, напротив, причиной и генерирующим фактором новых отношений.

«Не стоит отделять отношения *синанкуя* от прочих социальных отношений, составной и неотъемлемой частью совокупности которых они являются. Отношения *синанкуя* становятся предметом исследований значительно чаще других, так как наиболее доступны для наблюдения исследователя. Другим же отношениям, таким как практики кооперации, разделение доходов, распределение административных обязанностей, отношения подчинения, гостеприимства и сотрудничества, матримониальные отношения etc., уделяется значительно меньшее внимание» [28].

Таким образом, можно предположить, что все функции, которые приписываются отношениям синанкуя, на самом деле распределены между различными типами взаимодействия (не только синанкуя) различных групп (не только джаму). По существу, подход Лонэ представляет собой развитие высказанного ранее Гриолем.

В 2006 г. вопросу синанкуя был посвящен специальный выпуск «*Cahiers d'études africaines*» — «*Parentés, plaisanteries et politique*» («Родство, насмешки и политика»). В представленных в выпуске работах подведен (промежуточный) итог многолетних попыток интерпретации явления синанкуя.

Трансформацию подходов к изучению шуточного родства, завершающим этапом которой стала канонизация и инструментализация отношений, прослеживают авторы опубликованной в вышеупомянутом выпуске статьи С. Каню и Э. Смит [29].

На примере синанкуя можно проследить циклы развития, от рождения до смерти и воскрешения, основных научных концепций, колебания уровня популярности различных этнографических школ и взглядов.

После публикации упомянутого выпуска замечен относительный спад интереса к тематике в Европе и США. Отсутствие полемики вокруг темы джаму заставляет предположить, что были достигнуты результаты, которые признаются научным сообществом удовлетворительными.

Одной из немногих работ последних лет, посвященных вопросу джаму, стало опубликованное в 2007 г. исследование Р. Джонс [30], посвященное шуточному родству. Работу можно считать идеологическим продолжением исследований Лонэ и Каню. Джонс рассматривает функционирование шуточного родства в повседневной жизни жителей Бамако, анализирует условия и актуализации этих отношений и варианты их выражения. К сожалению, большая часть материалов, которые автор использовала в своей работе, — это интервью на французском языке, полученные в ходе полевого исследования в г. Бамако, текст этих интервью не публиковался.

В 2010 г. Т. Даннинг и Л. Харрисон опубликовали результаты исследования [31], посвященного влиянию отношений шуточного родства на политические предпочтения малийцев. Авторами был подготовлен и поставлен эксперимент, в ходе которого участникам было предложено посмотреть небольшой ролик, имитирующий предвыборную речь якобы кандидата на выборах, и оценить его по ряду критериев.

По результатам эксперимента были выявлены закономерности оценки кандидатов в зависимости от отношений, в которых состоят их джаму с джаму участников эксперимента. В частности, было установлено, что малийцы склонны оценивать кандидата, имеющего такое же джаму, как их, или кандидата, являющегося их шуточным родственником, как заслуживающего значительно большего доверия, чем другие. В то же время этническая принадлежность не оказалась релевантной для оценки.

Т. Даннинг — признанный специалист в области общей политологии и теории развития, автор работ по использованию метода естественного эксперимента в антропологическом исследовании, влиянию обеспеченности природными ресурсами на политический режим и т. д. Ни Мали, ни Африка в целом не являются областью его научной специализации. Тем интереснее факт его обращения к отношениям джаму — явлению, не имеющему прямых и очевидных аналогов в других культурах. Результаты, показывающие «работу» джаму в политическом процессе, имеют важное значение и были бы еще интереснее, если бы эксперимент был подготовлен и проведен с большим вниманием к деталям.

Так, несмотря на то что Даннинг и Харрисон подготовили таблицу соответствий для более чем двухсот джаму, при интерпретации результатов не были приняты во внимание «эквивалентность» джаму, а также особенности родственных отношений.

В российской африканистике последних лет имена джаму были рассмотрены в работах В. А. Попова и Е. А. Волковой.

Работа Е. А. Волковой посвящена аналогу имен джаму у манинка — именам *контонг* [32]. В рамках подготовки исследования была проведена полевая работа в Сенегамбии, составлен словарь, включающий значительный объем данных о различных *контонг*, аналогичный словарю, составленному Молини для имен джаму. Волкова анализирует место *контонг* в ряду социальных идентичностей, взаимосвязь социальных классов, исторических политических группировок и общностей по *контонг*, проводит разграничение различных типов отношений между *контонг*.

Работа, опубликованная в 2013 г. В. А. Поповым [33], содержит незначительное количество собственно авторского текста и воспроизводит информацию и выводы более ранних работ других отечественных авторов. Следует отметить в работе Попова ряд ошибочных обобщений, которые могут быть опровергнуты как данными публикаций [17; 29], так и нашими собственными полевыми исследованиями. В частности, неверным является утверждение о совпадении «братских» и прочих связей у так называемых эквивалентных джаму.

Отдельного упоминания заслуживает одно из наиболее ранних исследований джаму, выполненное «изнутри» системы — человеком, который являлся не только носителем одного из таких имен, но сам участвовал в формировании традиции: монография 1914 г. Сулемана Канте «Manden Kurufaba» («Империя Мали»). С. Канте — изобретатель письменности нко и основатель соответствующей историографической школы. В его работе собран значительный объем данных устной традиции, касающихся происхождения отношений между джаму, однако то обстоятельство, что текст исследования доступен исключительно на нко, затруднил его прочтение и рассмотрение другими исследователями.

Выше мы упоминали несколько работ, в которых полученные из собственных наблюдений при проведении полевой работы и из печатных источников данные были представлены в виде «словарей», или реестров, — таблиц, содержащих структурированную информацию о каждом из джаму.

Наиболее значительным по количеству рассматриваемых имен (370) можно считать словарь джаму в формате Toolbox, являющийся составной частью электронного словаря BamaDaba. Работа над Словарем на протяжении многих лет ведется под руководством петербургского африканиста В. Ф. Выдрина; в настоящее время на правах рукописи Словарь опубликован на сайте корпуса языка бамана.

Словарь Выдрина содержит информацию по следующим аспектам: варианты написания, произношения, народная этимология имен, эквиваленты, женские эквиваленты, синанкуя (бракозапретно/нет), тотемы, традиционный социальный статус («каста», профессия).

Данные словаря Выдрина, как наиболее полные, мы взяли за основу для формирования собственно Реестра имен джаму и отношений между ними (реестр доступен в электронном виде зарегистрированным пользователям www.datagrav.com). Из словаря Выдрина мы взяли только сами имена и сведения об отношениях между ними. Нами было унифицировано написание, учтено фонетическое варьирование имен джаму — во избежание удвоения и утроения единиц Реестра. Кроме того, Реестр был пополнен данными, полученными нами в ходе полевой работы, а также из источников [19; 34; 17; 30 и др.].

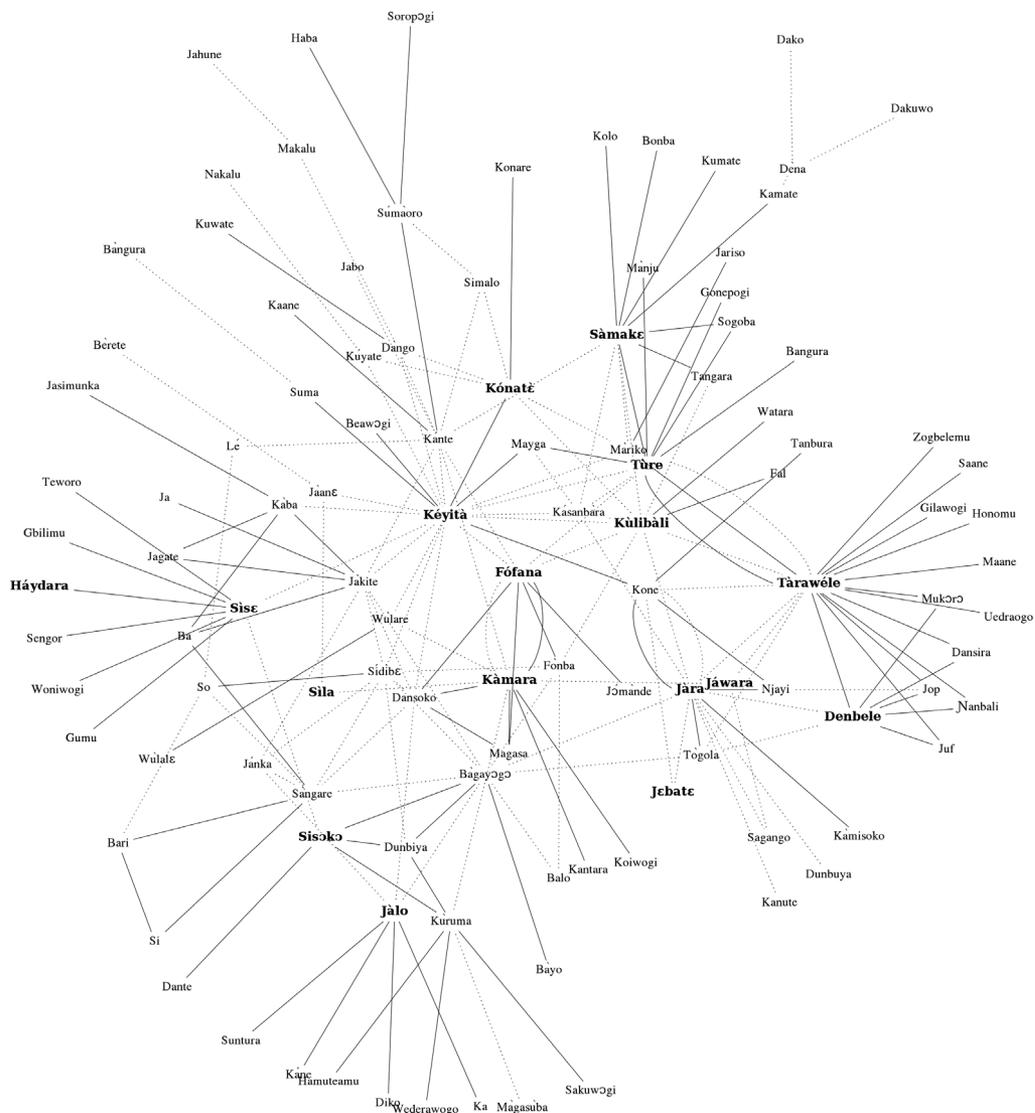
На основе этого Реестра имен и отношений нами был составлен граф отношений синанкуя и эквивалентности между именами джаму (см. рисунок). Пунктирными линиями на графах обозначены отношения синанкуя, сплошными — эквивалентности.

Следует отметить, что один из двух представленных на графе типов отношений — «шуточное родство» может связывать самые разные группы: кросс-кузенов, внуков и дедов, представителей различных возрастных классов, родственников по браку, социо-профессиональные группы, уроженцев разных областей, этнические группы и т. д. (см., например: [19; 11]). «Шуточное родство» может существовать, в частности, между джаму с одной стороны и этническими либо социо-профессиональными группами — с другой. Такие отношения на представленном графе не отражены (хотя в Реестре сведения о них содержатся).

На сегодняшний день в научной литературе не приводится данных о численности носителей различных джаму (патронимических групп). Тем не менее 20 крупнейших по численности групп обозначены нами на графе полужирным шрифтом на основе подсчета имен в Малийском телефонном справочнике 1996 г., проведенного В. С. Масловым (*Annuaire officiel des abonnes au telephone et au telex*, Bk, 1996). Данные этого подсчета подтверждаются и более современной статистикой пользователей соцсетей.

Визуальное, в виде графа, представление реестра отношений джаму позволяет сделать некоторые выводы о структуре связей между джаму и проверить выдвигавшиеся ранее гипотезы.

Молиньи и ряд других авторов называют отношение, маркируемое формулой *J1 ni J2 ye kelen ye*, «эквивалентностью». Мы следуем этой традиции, с оговоркой, что это не «отношение эквивалентности» в том виде, как оно понимается в точных

На рисунке представлена основная компонента связности графа, без учета изолированных связей (объединяющих пару джаму, о других связях которых информации в словаре нет)¹

науках. Наши данные говорят о том, что данное отношение по крайней мере не транзитивно и не симметрично (не всегда симметрично).

Формулы джаму

Упомянутые выше два типа отношений — синанкуя и эквивалентности — не формируют исчерпывающий набор возможных отношений между именами джаму. Следующим этапом исследования должна быть более точная инвентаризация возможных отношений между именами.

¹ Полная версия графа доступна здесь: <https://datagrav.com/records/44365>.

В 2015 г. авторами данной статьи было проведено полевое исследование, одной из задач которого было сформировать инвентарь выражений, речевых конструкций, которыми описываются отношения между джаму, проанализировать и системно представить план выражения отношений между именами джаму².

«Формулами» мы называем устойчивые языковые конструкции, связывающие имена джаму между собой. Сами имена могут меняться, формула остается неизменной, ее структура не зависит от имен.

Приведем здесь не претендующий на избыточность и завершенность список полученных «формул», сформированный на базе данных полевой работы в г. Бамако в 2015 г.

Например, в отношении джаму *Keyita*, *Konate*, *Kulibali* и *Kamara* верны (по версии разных информантов) следующие утверждения:

(1) *Keyita bɔra Konate la* (Г. Дамбеле, С. Маре, Н. Сиссе и др. 2015)

‘Кейта произошли от Конате’;

(2) *Keyita ni Konate ye kelen ye* (А. Кулибали, Н. Сиссе, И. Кулибали 2015)

‘Кейта и Конате это одно и то же’;

Quelqu'un va te dire, qu'il est Konatés, mais il est Keyita. C'étaient les Konatés qui sont devenus Keyitas (С. Маре, апрель 2015)

‘Конате раньше были Кейта. Кто-нибудь тебе скажет, что он Конате, но на самом деле он Кейта’;

(5) *Keyitaw bɔra Kulibaliw la* (К. Кулибали, А. Кулибали 2015)

‘Кейта произошли от Кулибали’;

(26) *Kulibaliw ye Keyitaw kɔrɔkɛ ye* (А. Кулибали, К. Кулибали et al., апрель 2015)

‘Кулибали — страшие (братья) Кейта’;

(27) *Keyita ye fitinin, dogoke* (А. Кулибали, апрель 2015)

‘Кейта — маленький, младший’;

Il n'y a pas de Keyita, seulement Coulybaly. Tine ta (ce qui a pris le bien), ils ont pris tine (le bien), ils ont devenu Keyta (К. Кулибали, март 2015)

‘Нет Кулибали, только Кейта’ (этимология: *tine* (наследство, богатство) + *ta* (брат)’);

Camaraw ye dugutigiya di Keytaw ma. Keytaw kera dugukolotigiw, Coulibaliw ma son, bawo olu ye kɔrɔkɛw ye. U taara Segu, ka sigi yen (А. Кулибали, март 2015)

‘Камара отдали право управления территорией Кейта. Кулибали не согласились, потому что они — старшие, и переселились в Сегу’³.

Предметом нашего исследования на данном этапе были имена джаму и отношения между ними, а не «общности по джаму» как группы. Вместе с тем, не предлагая преждевременных заключений относительно того, чем являются «общности по джаму», можно судить с достаточной уверенностью о том, чем они не являются.

Общности по джаму не являются «организациями», взаимодействующими между собой коллективными акторами исторического процесса. Джаму не рас-

² Исследование выполнено при поддержке ООО «Датаграв» с использованием инструментов платформы «Датаграв» www.datagrav.com. За помощь в организации полевой работы Е. Богачевой в Мали (Бамако и Барила), выражаем также признательность В. В. Шварцу, Л. А. Костюку и Н. Дембеле.

³ В информационной системе datagrav.com все указанные формулы приведены со ссылками на датированные записи употребивших их информантов.

Таблица. «Формулы» джаму

	Язык бамана	Русский перевод
1	<i>J1 bɔra J2 la</i>	J1 произошли от J2
2	<i>J1 ni J2 ye kelen ye</i>	J1 и J2 — одно и то же
3	<i>J1 ye J2 ye</i>	J1 — это J2
4	<i>J1 ye J2 kɔɔ(ke) ye</i>	J1 — старший (брат) J2
5	<i>Danfara te J1 ni J2 ce</i>	Между J1 и J2 нет границы
6	<i>J1 ni J2 ye L-kaw</i>	J1 и J2 происходят из местности L
7	<i>J1 ni J2 ye E ye</i>	J1 и J2 принадлежат к этнической группе E
8	<i>J1 ni J2 ye sinankuw ye</i>	J1 и J2 — шуточные родственники
9	<i>J1 ye J2 matigi ye</i>	J1 — хозяин J2
1	<i>J1 ye J2 balima ye</i>	J1 — родственник J2
	<i>J1 ye J2 ka jɔn ye</i>	J1 — раб J2
	<i>J1 ye ce jami ye, J2 ye muso jami ye</i>	J1 — мужское джаму, J2 — женское
1	<i>J1 ni J2 be mɔɔn nuɔɔn ma</i>	J1 и J2 равнозначны
1	<i>J1 ni J2 balinen be</i>	J1 и J2 — повторяют [друг друга]

полагают собственностью, не принимают совместно никаких решений, не имеют органов управления, не предпринимают совместно никаких действий. В городской среде из «принадлежности» человека к группе джаму не следует хозяйственных обязательств.

Формулы джаму в языке, тем не менее, воспроизводятся и, вероятно, развиваются. Воспроизводимость языковых формул джаму указывает на то, что у них есть актуальные функции. Определение этих функций может быть предложено в качестве направления дальнейших исследований; некоторые гипотезы, в дополнение к изложенным в [18; 20] и др. можно сформулировать уже сейчас.

Хотя формально «группами» могут считаться сами джаму, гораздо важнее, что формулы джаму, вне зависимости от того, на каком языке произносятся, обозначают и конструируют границы другой широкой группы, которую можно обозначить как «пространство джаму».

Границы «пространства джаму» обозначаются в категориях «мы все одно» и др. и остаются открытыми для любого, кто усвоит язык джаму или хотя бы проявит к нему интерес.

Формула, которая описывает (и/или определяет) отношения между джаму, не является произвольной. На месте имен джаму в этой формуле часто могут использоваться другие имена групп. Таким образом, возникает ассоциативная связь между понятиями, которые обычно в речи могут употребляться в данной формуле, и отношениями между ними, с одной стороны, и джаму и их отношениями — с другой.

«Система джаму» является символическим языком, языком в языке или языком между языками — системно организованным конструктом, который интерпретирует, перерабатывает информацию об отношениях самого разного рода и записывает эту информацию в соответствии с некоторыми единичными правилами (природа отношений может (или могла) быть самой разной, а правила метафорической записи информации об этих отношениях в «системе джаму» — единичными.).

«Язык джаму» существует и развивается на пересечении нескольких языков; формулы, выражающие отношения джаму (просто как имен собственных), переводятся с языка на язык, не меняя своей структуры.

Например, на вопрос «Кем друг другу приходится Кейта и Кулибали?» ожидаемый ответ на бамана — *Kulubali ye Keyita kərəkε ye*, на манинка — *Kulibali ye Keyita kɔdɔkε le di*. Обе фразы переводятся как «Кулибали — старший (по отношению к) Кейта».

В приведенном выше примере Кулибали и Кейта называются братьями. Использование термина родства в качестве апеллятива между незнакомыми друг с другом людьми упрощает первый контакт, располагает собеседников друг к другу.

Интересно, что влияние на отношения между людьми имени (слова, фразы, формулы), их описывающего, может осознаваться участниками этих отношений. В таком случае для их описания может быть сознательно выбран подходящий термин.

В качестве примера можно привести историю сожен Наджары и Аминаты из [35].

Отношения *sinamuso* (сожен, жен одного мужа в полигамном браке) традиционно характеризуются соперничеством, взаимной неприязнью и ревностью, что находит выражение в термине (*sina* — враг + *muso* — женщина). Таким образом, кроме объективных сложностей жизни в полигамном браке, негативное влияние на отношения сожен оказывает и термин, предопределяющий в определенной мере поведение женщин и отношение их друг к другу. В приводимом Лонэ примере две жены Амаду из Карого, Наджара и Амината, желая строить свои отношения в ключе дружбы и взаимопомощи, отказались от использования термина *sinamuso*. Наджара, будучи дальней родственницей, патрилатеральной кузиной Амаду, является «младшей сестрой» мужа Аминаты, *nitogo*. Воспринимая свои отношения как *nitɔgɔya* (*ni* — душа + *ɔgɔ* — человек), они смогли построить отношения, основанные на сотрудничестве и взаимном уважении.

Несмотря на то, что эндогамные браки среди дьюла в Карого были очень распространены, и большая часть сожен могла при желании понимать и строить свои отношения как *nitogoya*, а не *sinamusoya*, Наджара и Амината были единственными, использовавшими такой прием.

Если провести аналогию с джаму, формулы «языка джаму» не только позволяют осуществить перенос характеристик отношений, описываемых формулой, для задания желаемого вектора развития отношений, но и в известной мере предопределяют такой перенос, причем осознания этого факта участниками не требуется.

Р. Джонс в своей работе приводит следующий пример: если ребенку, который делает что-нибудь неправильное, сказать «Ах ты маленький Кулибали!» — вне зависимости от того, зовут ли его действительно Кулибали, — ребенок поймет, что замечание относится к его плохому поведению [30].

Заключение

«Система джаму» не имеет прямых аналогов в других регионах, и ее теоретическое осмысление, корректная атрибуция стоящих за ней явлений и общественных процессов находится на начальном этапе. Ни один из «традиционных» антрополо-

гических дискурсов, от эволюционизма XIX в. до конструктивизма наших дней, не раскрыл вполне особенностей «системы джаму»: исследователи предлагают объяснения происхождения отношений между несколькими конкретными именами, однако гипотез о механизмах и направлениях развития системы имен в целом не выдвигается.

Представляется, что дальнейшее изучение имен джаму и отношений между ними важно не только как часть изучения региона, но и с точки зрения уточнения терминологического аппарата и исследовательских подходов общественных наук в целом.

Представленный граф джаму является обобщением и упрощением реальной картины. В частности, сведение разновидностей отношений между именами к «равенству» (эквивалентности) и «шуточному родству» представляет собой существенное упрощение, как показывает запись «формул джаму», взятых из речи.

Каждая дуга графа может быть уточнена данными о ее времени и пространстве ее актуальности.

Гипотезы для дальнейшей проверки могут быть сформулированы в рамках таких направлений, как «социология знаний» (социология информации), социометрия. Граф джаму меняется, и теперь эти изменения могут быть предметом наблюдения, фиксации и анализа.

Любого человека, у которого есть имя джаму, можно поместить в одну из вершин графа, но он будет «видеть» только часть его дуг. Полностью графа не видит ни один из участников неформальной системы отношений, выраженной этим графом. Каждый человек знает только ту часть графа, которая для него актуальна.

Не зная всего графа джаму, всех отношений между именами, почти любой их участник понимает язык этих отношений, прежде всего перечисленные нами формулы и их значение.

Знание этого языка позволяет любому участнику расширять горизонт своих знаний о графе — усваивать информацию об отношениях в нем по мере необходимости.

Нет, скорее всего, ни одного человека, который бы знал граф (и реестр отношений) имен джаму целиком, во всем его многообразии; знание этого графа распределено во всем пространстве джаму, и правила распределения этого знания предстоит установить в ходе дальнейших полевых исследований. Какая часть реестра отношений нормативно актуальна для той или иной группы, отдельного человека?

Если подходящих отношений в реестре (графе) джаму нет — они могут зарождаться. Неформальная, не оформленная письменным сводом правил система отношений легко адаптируется к новым условиям и запросам.

Литература

1. *Béchet E.* Cinq ans de séjour au Soudan français, Paris, Plon-Nourrit & Cie. 1889. 270 p.
2. *Boilat D. (Abbé).* Esquisses sénégalaises, 1984 [1853]. Paris: Karthala. 496 p.
3. *Delafosse M.* Haut-Senegal — Niger (Soudan Français). Paris, 1912. 428 p.
4. *Lowie R. H.* Social Life of the Crow Indians // *Anthropological Papers of the American Museum of Natural History.* 9 (2). 1912. P. 179–253.
5. *Mauss M.* Parentés à plaisanteries // *Annuaire de l'École Pratique des Hautes Études, Section des Sciences Religieuses.* Paris, 1928. P. 3–21.

6. *Labouret H.* La Parenté a plaisanterie en Afrique occidentale française // *Africa*. Vol. II. 1929. P.244–253.
7. *Paulme D.* Parenté a plaisanterie et alliance par le sang en Afrique occidentale // *Africa*. Vol. XII. 1939. P.433–444.
8. *Aubert A.* Coutumiers Juridiques de l'Afrique occidentale française. Vol. II. Paris, 1939. 348 p.
9. *Pageard R.* Notes sur les rapports de «Senankouya» au Soudan français, particulièrement dans les cercles de Segou et de Macina // *Bulletin de l'IFAN*. XX, ser. B, N 1–2. Paris, 1958. P.124–141.
10. *Radcliffe-Brown A. R.* On Joking Relationships // *Africa: Journal of the International African Institute*. Vol. 13 (Jul. 1940). P.195–210.
11. *Radcliffe-Brown A. R.* A Further Note on Joking Relationship // *Africa*. Vol. 19, N 2. 1949. P.133–140.
12. *Griaule M.* L'alliance cathartique // *Africa*. Vol. 18, N 4. 1948. P.242–258.
13. *Humblot P.* Du nom et des appellations chez les Malinkés des vallées du Niandian et du Milo (Guinée française) // *Bulletin du comité d'études historiques et scientifiques de l'AOF*. 1918. P.519–540.
14. *Delaforge Capt.* Étude sur quelques Prénoms et Noms de Famille Bambara // *Outre-Mer*. Vol. IV, N 2–3. 1932. P.119–143.
15. *Delmond P.* Quelques observations sur l'état-civil indigène au Soudan occidental // *Bulletin de l'IFAN*. N 7. 1945. P.54–79.
16. *Pageard R.* Interdits Soudanais (Cercle de Segou et limitrophes) // *Notes Africaines*. N 73, janv. 1957. P.8–10.
17. *Molinie L.* Les systèmes patronymiques au Soudan central. Centre Militaire d'Information et de Spécialisation pour l'Outre-Mer (ronéotype), 1959.
18. *Арсеньев В. Р.* Общности по «клановому имени» («джаму») у населения верховьев Сенегала и Нигера // *Этническая история Африки*. М.: Наука, 1977. С. 138–152.
19. *Маслов А. А.* Традиционная система родства манден. Квалификационная работа студента IV курса. СПбГУ: Восточный факультет, 2000. 35 с.
20. *Маслов А. А.* Фиктивные генеалогии и претензии на власть в Западном Судане // Тезисы докладов XX научной конференции по историографии и источниковедению истории стран Азии и Африки. СПб., 2000. С. 92–93.
21. *Маслов А. А.* Потестарная эпигамия // *Манифестация*. 2001. № 2.
22. *Маслов А. А.* Системы родства западных манде // *Алгебра родства: Родство. Системы родства. Системы терминов родства / сост. и отв. ред. В. А. Попов; РАН. МАЭ им. Петра Великого (Кунсткамера)*. СПб.: МАЭ РАН, 2001. Вып. 7. С. 187–218.
23. *Маслов А. А.* Политогенетические функции фиктивно-родственных отношений в Западном Судане // *Африка: общества, культуры, языки*. СПб., 2002. С. 18–25.
24. *Ndiaye R.* La parenté plaisante a l'école: à contre les conflits et pour une culture de la tolérance et de la convivialité, Dakar: UNICEF, 2003. 21 p.
25. *Tamari Tal.* Les castes de l'Afrique occidentale. Artisans et musiciens endogames. Nanterre: Société d'ethnologie, 1997. 463 p.,
26. *Hoven E. van.* Oncle maternel est roi. La formation des alliances hiérarchiques chez les Mandingues du Wuli (Sénégal). Leiden: CNWS, 1997. P.848–850.
27. *Amselle J.* L'étranger dans le monde manding et en Grèce ancienne: quelques points de comparaison // *Cahiers d'études africaines*. 1996. Vol. 36, N 144. P.755–761.
28. *Launay R.* Joking Slavery // *Africa*. Vol. 47, N 4. 1977. P.413–422.
29. *Canut C., Smith É.* Pactes, alliances et plaisanteries. Pratiques locales, discours global // *Cahiers d'études africaines*. 2006. Vol. 4, N 184. P.687–754.
30. *Jones R.* "You Eat Beans!": Kin-based Joking Relationships, Obligations, and Identity in Urban Mali // *Honors Projects. Paper 2*. Macalester College. 2007. 123 p.
31. *Dunning T., Harrison L.* Cross-cutting Cleavages and Ethnic Voting: An Experimental Study of Cousinage in Mali // *American Political Science Review*. N 104. 2010. P.21–39.
32. *Волкова Е.* Общности по клановому имени контонг у мандинка Сенегамбии. 2009. 104 с.
33. *Попов В. А.* К феноменологии «общностей по джаму», или о факторах политической интеграции в доколониальной Западной Африке // *Ранние формы потестарных систем: сб. статей / отв. ред. и сост. В. А. Попов*. СПб.: МАЭ РАН, 2013. 384 с.
34. *Cisse N.* Pour saluer les maliens // *Université des lettres et sciences humaines*. Bamako, 2004. 31 p.
35. *Launay R.* Practical joking // *Ghiers d'études africaines*. 2006. N 4. P.795–808.

References

1. Béchét E. *Cinq ans de séjour au Soudan français*. Paris, Plon-Nourrit & Cie, 1889, 270 pp.
2. Boilat D. (Abbé). *Esquisses sénégalaises*, 1984 (1853). Paris, Karthala, 496 pp.
3. Delafosse M. *Haut-Sénégal — Niger (Soudan Français)*. Paris, 1912, 428 pp.
4. Lowie R. H. Social Life of the Crow Indians, *Anthropological Papers of the American Museum of Natural History*, 9 (2), 1912, pp. 179–253.
5. Mauss M. Parentés à plaisanteries. *Annuaire de l'École Pratique des Hautes Études, Section des Sciences Religieuses*. Paris, 1928, pp. 3–21.
6. Labouret H. La Parenté a plaisanterie en Afrique occidentale française. *Africa*, vol. II. 1929, pp. 244–253.
7. Paulme D. Parenté a plaisanterie et alliance par le sang en Afrique occidental. *Africa*, vol. XII, 1939, pp. 433–444.
8. Aubert A. *Coutumiers Juridiques de l'Afrique occidentale française*, vol. II. Paris, 1939, 348 pp.
9. Pageard R. Notes sur les rapports de «Senankouya» au Soudan français, particulièrement dans les cercles de Segou et de Macina. *Bulletin de l'IFAN*. XX, ser. B, no. 1–2. Paris, 1958, pp. 124–141.
10. Radcliffe-Brown A. R. On Joking Relationships. *Africa: Journal of the International African Institute*, vol. 13 (Jul. 1940), pp. 195–210.
11. Radcliffe-Brown A. R. A Further Note on Joking Relationship, *Africa*, vol. 19, no. 2, 1949, pp. 133–140.
12. Griaule M. L'alliance cathartique. *Africa*, vol. 18, no. 4, 1948, pp. 242–258.
13. Humblot P. Du nom et des appellations chez les Malinkés des vallées du Niandian et du Milo (Guinée française). *Bulletin du comité d'études historiques et scientifiques de l'AOF*, 1918, pp. 519–540.
14. Delaforge Capt. Étude sur quelques Prénoms et Noms de Famille Bambara. *Outre-Mer*, vol. IV, no. 2–3, 1932, pp. 119–143.
15. Delmond P. Quelques observations sur l'état-civil indigène au Soudan occidental. *Bulletin de l'IFAN*, no. 7, 1945, pp. 54–79.
16. Pageard R. Interdits Soudanais (Cercle de Segou et limitrophes). *Notes Africaines*, no. 73, janv. 1957, pp. 8–10.
17. Molinie L. *Les systèmes patronymiques au Soudan central. Centre Militaire d'Information et de Spécialisation pour l'Outre-Mer (ronéotype)*, 1959.
18. Arsenëv V. R. Obschnosti po «klanovomu imeni» («dzhamu») u naseleniia verkhov'ev Senegala i Nigera [“Clan Name” or Jamu Entities of the Upper Senegal and Niger]. *Etnicheskaia istoriia Afriki [Ethnic history of Africa]*. Moscow, Nauka Publ., 1977, pp. 138–152.
19. Maslov A. A. *Traditsionnaia sistema rodstva manden [Traditional Kinship System of Manden]*. Kvalifikatsionnaia rabota studenta IV kursa. Saint-Petersburg State University, Vostochnyi fakul'tet Publ., 2000, 35 pp.
20. Maslov A. A. Fiktivnye genealogii i pretenzii na vlast' v Zapadnom Sudane [Forged Genealogies and Power Claims in Western Sudan]. *Tezisy dokladov XX nauchnoi konferentsii po istoriografii i istochniko-vedeniiu istorii stran Azii i Afriki [Book of abstracts: XXVIII International Conference «Asia and Africa in the Changing World»]*. St. Petersburg, 2000, pp. 92–93.
21. Maslov A. A. Potestarnaia epigamiia [Politically Driven Epigamia]. *Manifestatsiia [Manifestation]*, 2001, no. 2.
22. Maslov A. A. Sistemy rodstva zapadnykh mande [Kinship Systems of Western Mandé]. *Algebra rodstva: Rodstvo. Sistemy rodstva. Sistemy terminov rodstva [Kinship Algebra: Kinship. Kinship systems. Kinship terminology]*. Compil. and ed. by V. A. Popov; RAN. MAE im. Petra Velikogo (Kunstkamera). St. Petersburg, MAE RAN Publ., 2001, issue 7, pp. 187–218.
23. Maslov A. A. Politogeneticheskie funktsii fiktivno-rodstvennykh otnoshenii v Zapadnom Sudane [The Political Functions of Forged Kinship in Western Sudan]. *Afrika: obshchestva, kul'tury, iazyki [Africa: societies, cultures, languages]*. St. Petersburg, 2002, pp. 18–25.
24. Ndiaye R. *La parenté plaisante à l'école: à contre les conflits et pour une culture de la tolérance et de la convivialité*. Dakar, UNICEF, 2003, 21 pp.
25. Tamari Tal. *Les castes de l'Afrique occidentale. Artisans et musiciens endogames*. Nanterre, Société d'ethnologie, 1997, 463 p.
26. Hoven E. van. *L'oncle maternel est roi. La formation des alliances hiérarchiques chez les Mandingues du Wuli (Sénégal)*. Leiden, CNWS, 1997, pp. 848–850.
27. Amselle J. L'étranger dans le monde manding et en Grèce ancienne: quelques points de comparaison. *Cahiers d'études africaines*, 1996, vol. 36, no. 144, pp. 755–761.

28. Launay R. Joking Slavery, *Africa*, vol. 47, no. 4, 1977, pp. 413–422.
29. Canut C., Smith É. Pactes, alliances et plaisanteries. Pratiques locales, discours global. *Cahiers d'études africaines*, 2006, vol. 4, no. 184, pp. 687–754.
30. Jones R. “You Eat Beans!”: Kin-based Joking Relationships, Obligations, and Identity in Urban Mali, *Honors Projects*. Paper 2. Macalester College, 2007, 123 pp.
31. Dunning T., Harrison L. Cross-cutting Cleavages and Ethnic Voting: An Experimental Study of Cousinage in Mali, *American Political Science Review*, no. 104, 2010, pp. 21–39.
32. Volkova E. *Obshchnosti po klanovomu imeni kontong u mandinka Senegambii* [*Mandinka clan name societies in Senegambia*], 2009, 104 pp.
33. Popov V. A. К феноменологии «obshchnostei po dzhamu», ili o faktorakh politicheskoi integratsii v dokolonial'noi Zapadnoi Afrike [Concerning Phenomena of Jamu Identity or the Drivers of Political Integration in Precolonial West Africa]. *Rannie formy potestarnykh sistem: sb. statei* [*Early forms of political systems: collection of articles*]. Compil. and ed. by V. A. Popov. St. Petersburg, MAE RAN Publ., 2013, 384 pp.
34. Cisse N. Pour saluer les maliens. *Université des lettres et sciences humaines*. Bamako, 2004, 31 pp.
35. Launay R. Practical joking. *Ghiers d'études africaines*. 2006, no. 4. pp. 795–808.

Статья поступила в редакцию 6 июля 2015 г.

Контактная информация

Богачева Евгения Александровна — студент; genie.alexie@gmail.com

Горшенев Александр Александрович — консультант; horsh@mail.ru

Маслов Андрей Александрович — управляющий директор; a.maslov@gazprom-international.com

Bogacheva Eugenia A. — student; genie.alexie@gmail.com

Gorshenev Alexandr A. — consultant; horsh@mail.ru

Maslov Andrey A. — Managing Director; a.maslov@gazprom-international.com